

DOI 10.15826/vopr_onom.2023.20.1.010
УДК 811.161.1'373.21(470.26) +
+ 811.161.1'373.217(470.26) + 81-112

О. В. Петешова
Балтийский федеральный университет
им. И. Канта
Калининград, Россия

ПЕРЕИМЕНОВАНИЯ ПРИРОДНЫХ ОБЪЕКТОВ В КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

В настоящей работе дается описание массовых реноминаций водоемов, лесов, урочищ и различных форм рельефа, проведенных на территории бывшей Северо-Восточной Пруссии после ее включения в состав СССР. Источником языкового материала, общий объем которого составил 1 214 пар «восточно-пруссский — советский топоним», послужил список переименований из соответствующего решения Калининградского облисполкома, уточненный на основе картографических данных. По итогам сравнительного семантического анализа исходных и новых топонимов автор доказывает, что при переименовании 34 % региональных природных объектов учитываются форма или семантика восточно-пруссских топонимов. Для согласования исходных и новых географических названий используются такие способы, как перевод (полный, частичный или псевдоперевод), переосмысление, одинаковая тематическая соотнесенность, ассоциативное название, заимствование и метонимическая соотнесенность. Обосновывается, что использование некоторых из этих способов условно предопределяется языковым происхождением исходного топонима. В частности, переводу подвергаются, как правило, немецкоязычные номинации, а переосмысление затрагивает номинации балтийского происхождения и имена с неясными основами. Кроме того, в статье приводится сравнительная характеристика основных лексико-семантических групп исходных и новых топонимов, набор которых практически совпадает. Отмечается, что лидирующие позиции на прусских и советских картах занимают отойконимные топонимы, однако в первом случае используются преимущественно местные названия населенных пунктов, а во втором случае — ойконимы из других регионов страны. Наконец, исследование показало, что доля теотопонимов

при переименовании снижается не так резко, а количество мемориальных топонимов увеличивается не так существенно, как это обычно представляется в европейской гуманитарной науке.

Ключевые слова: переименование; реноминация; топонимы; гидронимы; дримонимы; оронимы; Калининградская область

Целью настоящего исследования является общая характеристика ключевых тенденций послевоенных переименований природных объектов в Калининградской области.

Переименование является одной из наиболее распространенных трансформаций, которым подвергаются географические названия в процессе исторического употребления. Традиционно под переименованием понимают процесс замены одного имени географического объекта на другое (новое или исконное) [Крюков, 2011, 135], причем, как подчеркивает Р. В. Разумов, данная разновидность номинации, называемая также реноминацией или ренеймингом, становится возможной только в результате принятия специального нормативного акта органом исполнительной или законодательной власти [Разумов, 2020, 197].

Большинство причин переименований в топонимической сфере имеет экстралингвистическую природу. В частности, в работе М. Лангенфельда [2011, 160] упоминается следующий комплекс причин:

1. Изменение признаков географического объекта (к примеру, вырубка леса или пересыхание болота, строительство на улице крупного архитектурного сооружения). Как отмечает А. М. Мезенко, эта причина являлась преобладающей до XVIII в. [Мезенко, 2018, 132].

2. Изменение языка, на котором говорит местное население, вследствие миграции, войн или природных катастроф.

3. Необходимость замены исходных имен на более престижные в связи со значимыми изменениями в политической, религиозной или идеологической системе государства. Описывая эту причину, О. Н. Кузьменко указывает, что при этом подразумевается необходимость либо сохранения памяти о выдающихся личностях и событиях последних лет, либо, наоборот, устранения из памяти событий и имен, ассоциирующихся у населения с предыдущим политическим строем [Кузьменко, 2014, 64–67].

Помимо внеязыковых причин переименований географических объектов, Д. Ю. Ильин называет ряд мотивов, так или иначе связанных с особенностями фонетики и орфографии языка, например желание инициаторов реноминации уйти от диалектных черт в топонимике региона или предпочтение ими некой словообразовательной модели, более типичной для местных географических названий [Ильин, 2011, 66]. П. А. Крюков дополняет этот список мотивом ухода от неприемлемых стилистических особенностей существующего наименования [Крюков, 2011, 135].

В связи со вторичностью лингвистических причин реноминации неслучайным становится однозначное преобладание среди исследований, посвященных интересующей нас проблеме, научных работ историко-политического толка. В отечественной гуманитарной науке, признающей факт активных изменений в российской топонимии XVIII–XIX вв. [см., например: Никитин, 2003, 6], доминируют описания топонимических переименований советского и постсоветского периода. Общеизвестно, что главными катализаторами интенсивных переименований в это время являлись Октябрьская социалистическая революция, Великая Отечественная война и распад СССР [Шульгина, 2016, 84].

Соответственно, исходя из особенностей реноминации, историки выделяют в рамках указанного периода три ключевых этапа:

- этап топонимической революции 1917–1927 гг., характеризующийся кардинальным сломом в традиции именования, что соответствовало революционному духу эпохи;
- этап «культурной» топонимики 1927–1957 гг., когда новые имена присваиваются географическим объектам в зависимости от политической конъюнктуры, а масштаб и скорость переименований достигают своего пика;
- этап мемориальной топонимики 1957–1991 гг., в ходе которого было принято законодательное постановление об ограничении именования географических объектов в честь ныне живущих выдающихся представителей культуры [Демьянов, 2019, 221].

Некоторые кампании по переименованиям, осуществленные в советскую эпоху, оказались настолько масштабными, что позднее исследователи стали обозначать их как «топонимические катастрофы» [Шульгина, 2016, 89].

Переименования могут рассматриваться не только в историческом, но и в экономическом аспекте (что связано с потребностью в финансовом обеспечении деятельности инициаторов реноминаций и внедрении новых топонимов), а также в лингвистическом плане [Матвеев, 2009, 100–101]. Последний ориентирован на анализ особенностей вхождения новых названий в существующую топонимическую систему с соблюдением норм используемого национального языка. По утверждению Ю. М. Шемчук, полное и быстрое вытеснение исконной топонимики происходит крайне редко. Обычно сначала два топонима равноправно сосуществуют в языке, конкурируя между собой [Шемчук, 2010, 83], и в наибольшей степени подобная «дублетная многоименность» присуща номинациям мелких географических объектов — микротопонимам [Беляев, 2013, 56].

Некоторые языковеды уделяют внимание способам согласования между исходными и новыми топонимами при переименовании. Так, в наиболее обстоятельной лингвистической работе С. А. Никитина, освещающей итоги морфологического, семантического и функционального анализа отечественных реноминаций в топонимической сфере, предлагается рассматривать два типа

преемственности, возможной при введении новых географических названий в пределах одного национального языка: морфологическую, которая предполагает повторяемость словообразовательных элементов, и лексико-семантическую, при которой исходное название меняется лишь частично — за счет замены одного из компонентов номинации, его добавления или опущения [Никитин, 2003, 14]. В еще одном современном языковедческом исследовании [Кириллова, Семенова, 2018] авторы при характеристике согласований заменяемых топонимов выходят за пределы отдельного национального языка и изучают фонетические, семантические, грамматические и словообразовательные трансформации, возможные при любом включении иноязычного топонима в систему языка-преемника. Очевидно, что упомянутые в соответствующей статье транслитерация, приспособление к новым нормам произношения, добавление или опущение словообразовательных элементов и определений-прилагательных, перевод и переосмысление на основе ошибочного понимания исходной единицы по ее звуковому сходству могут иметь место в том числе при сознательных переименованиях географических объектов, вызванных сменой языкового состава местного населения.

Как раз со случаем, подобным описанному выше, мы сталкиваемся при изучении массовых реноминаций в Калининградской области, образованной сразу после Второй мировой войны, когда по решению Потсдамской конференции к СССР отошла северо-восточная часть Восточной Пруссии площадью 15,1 тыс. км² [Левченков, 2006, 81]. До этого момента данные территории прошли в своей геополитической и этнической истории два условных этапа: прусский языческий и немецкий, последовавший после завоевания прусских земель Тевтонским орденом [Федоров, 2009, 39]. После образования Калининградской области новым правительством региона была проведена его тотальная русификация, включающая в себя три взаимосвязанных элемента: полную замену населения, интеграцию в советское политическое пространство и переименование всех местных географических объектов [Langenfeld, 2010, 2], которое вполне может рассматриваться в качестве примера топонимической катастрофы.

По мнению калининградских историков, кампания по переименованию географических объектов происходила абсолютно стихийно [Костяшов, 2016, 23]. Инициатива при выборе новых топонимов исходила либо от руководства страны (в случае с названиями городов), либо от региональных властей (в остальных случаях, например при реноминации центров сельских советов) [Маслов, 2019]. Представители советской академической науки практически не привлекались руководством для консультаций (за исключением, может быть, литовского профессора П. И. Пакарклиса, безуспешно настаивавшего на приспособлении топонимов балтийского происхождения к нормам русского языка) [Маслов, 2016, 104].

В итоге по поводу калининградских реноминаций в европейских научных кругах сложилось крайне негативное мнение. По утверждению исследователей, советское руководство стремилось воздействовать на сознание нового населения

и закрепить право державы-победителя на владение колонизованными землями [Horbatsch, 1984, 197]. В ряде работ ставится акцент на том, что именно с этой целью новые названия населенных пунктов отбирались произвольно [Room, 2006, 2], с нарушением хрестоматийного принципа их «культуросохраняющей роли» [Benson, 1986, 100] и «варварским издевательством» над общеевропейским наследием [Палмайтис, 2003, 93].

Калининградской кампании по переименованию населенных пунктов часто противопоставляют массовые послевоенные переименования географических объектов в Вармии и Мазурах, с одной стороны, и в Клайпедском крае, с другой стороны. Жители этих бывших регионов Германии, вошедших в состав Польши и Литвы соответственно сразу после Второй мировой войны, в отличие от калининградцев могли опереться при реноминациях на национальную историческую традицию, а именно на факт присутствия здесь в течение многих веков этнических литовцев и поляков. Поскольку данные территории на протяжении относительно длительного времени были частью польского и литовского государств, то там параллельно с немецкими довольно долго существовали собственные названия почти всех населенных пунктов. По этой причине инициаторы переименований, проведенных в Польше и Литве, руководствовались задачей сохранения той информации, которую содержали в себе исходные ойконимы, взяв курс на «реполонизацию» и «релитуанизацию». В тех случаях, когда в указанных землях в виде исключения проводилась простейшая фонетическая трансформация исходных ойконимов, это объяснялось ненемецким происхождением конкретных номинаций, а следовательно, необязательностью восстановления «исконных» польских или литовских географических названий [Костяшов, 2016, 17]. Аналогичную стратегию избрали инициаторы послевоенного переименования населенных пунктов Южного Сахалина: при выборе советских названий для большинства из них привлекались топонимы коренного сахалинского населения, имевшие хождение на данных территориях до начала их японской оккупации в 1905 г. [Ворошилин, 2012, 158].

Что касается переименования калининградских природных объектов типа водоемов, лесов, урочищ и различных форм рельефа как документально закреплённого акта, то в целом в ономастике принято считать, что названия из физико-географической сферы отличаются большей стабильностью, чем названия населенных пунктов или внутригородских объектов [Шишкина, 2010, 139]. Тем не менее в Калининградской области почти все имеющиеся на картах природные объекты получили новые имена, и подробности того, каким образом и кем осуществлялся их отбор, историкам неизвестны. Единственным источником информации служит решение местного облисполкома от 31.12.1947 г., хранящееся в областном архиве [Решение], согласно которому одновременно были переименованы 1 382 региональных природных объекта, причем среди измененных имен преобладали гидронимы (625 единиц), половину из которых, в свою очередь, составляли потамонимы.

В материал нашего исследования вошли 1 214 пар, отобранных из решения облисполкома и построенных по модели «исходный восточно-пруссский топоним — новый русскоязычный топоним», что объясняется обилием ошибок и неточностей, допущенных при составлении документа. Так, ряд природных объектов, названия которых были включены в решение облисполкома, после Второй мировой войны оказались не на территории российской Калининградской области, а на литовских или польских землях (например, pp. *Kurmeszeris*, *Uszlenkis* и *Passarge*). Кроме того, зачастую на картах Восточной Пруссии [КП] и Калининградской области [ККО] отсутствуют как исходное, так и новое названия для 152 природных объектов (обычно урочищ и рек), что делает невозможным определение графического облика исходного топонима, поскольку решение облисполкома построено как простой (даже не алфавитный) перечень пар имен всех переименованных объектов, записанных кириллицей, с многочисленными орфографическими ошибками. Отметим сразу, что в тех 146 ситуациях, когда на картах удавалось обнаружить хотя бы один из элементов пары топонимов, а второй элемент легко восстанавливался с привлечением некартографических источников информации, мы учитывали акты реноминации при проведении статистических подсчетов.

В ходе сравнительного семантического анализа топонимических единиц, объединенных в 1 214 пар, мы выяснили, что 34 % калининградских переименований являются согласованными, т. е. были осуществлены с учетом формы или семантики исходных топонимов. Для отдельных типов топонимов этот показатель оказывается более высоким (39,6 % — для гидронимов в целом, около 44 % — для потамонимов и примерно 39 % — для оронимов).

Все способы согласования топонимов, т. е. пути учета языковых особенностей исходных географических названий при переименованиях, можно ранжировать по частоте представленности в материале следующим образом:

1. Перевод (183 случая). Чаще всего переводятся гидронимы и оронимы, причем на 63 случая полного перевода (*Schwarzer Berg* → *гора Черная*, *Kurzer Graben* → *канавка Короткая*) приходится 99 случаев частичного перевода (*Großes Bärenbruch* ‘большое медвежье болото’ → *болото Большое*, *Alte Gilge* → *озеро Старое*, где опускается второй компонент исходного лимнонима, отсылающий к названию протекающей неподалеку реки).

Еще одной разновидностью перевода, используемого при переименованиях, является псевдоперевод (21 случай из 183). Псевдоперевод предполагает ложную трактовку исходного топонима как немецкоязычного на основании сходства лексической единицы балтийского (древнепрусского или литовского) происхождения с распространенным немецким словом. Использование этого способа согласования можно проиллюстрировать на примере пары топонимов *Kindscher Wald* → *лес Детский*. Несмотря на сходство первого компонента исходного лимнонима с немецким существительным *Kind* ‘ребенок’, в действительности он восходит

к названию близлежащего населенного пункта *Kindschen*, предположительно имеющему прусское происхождение (от *kinstitis* ‘лекарь’).

2. Переосмысление (80 случаев). При таких актах реноминации исходный топоним формально напоминает инициаторам переименования русскоязычную лексическую единицу, которая в итоге кладется в основу нового топонима, как это происходит, например, при переименовании *Willkuppe* (от балт. *wilkis* ‘волк’) → *река Вилка*. Семантический аспект обоих наименований в данном случае совершенно не учитывается. Наряду с названиями рек переосмысление часто затрагивает названия урочищ, как в ситуации *Klein Droosten* (этимология второго компонента топонима остается неясной) → *урочище Дроздово*.

3. Одинаковая тематическая соотнесенность (65 случаев). При таком согласовании исходный и новый топонимы относятся к одной и той же лексико-семантической группе, все элементы которой объединяются по общности значения онимов и апеллятивов, лежащих в основе названий. Например, как исходные, так и соответствующие новые оронимы зачастую образуются от названий растений, но при этом используются отсылки к неидентичным биологическим видам (см. акт переименования *Fichtenberg* ‘сосновая гора’ → *гора Дубовая*).

4. Ассоциативное название (43 случая). Этот способ согласования топонимов предусматривает выбор не прямого переводного эквивалента исходного географического названия, а некой лексической единицы русского языка, связанной с указанным эквивалентом на уровне ассоциаций (зачастую на уровне метафоризации). Так, при реноминации *Funkenberg* → *гора Костер* обыгрывается сходство искры с пламенем костра, а при реноминации *Klingeberg* → *гора Острая* принимается во внимание острота как сущностный признак любого клинка (нем. *Klinge* ‘клинок’). В отличие от согласования через одинаковую тематическую соотнесенность, при котором опора на сходные мотивирующие признаки нередко производит впечатление случайного совпадения, в этой ситуации изначально осуществляется перевод исходной единицы, на основе которого отбирается новый топоним.

5. Заимствование (26 случаев). Как правило, полностью или с незначительными фонетическими изменениями переносятся в новую топонимическую систему гидронимы (25 единиц, из них 19 — потамонимы). Вопреки нашим предположениям, не всегда этот способ согласования затрагивает именно протяженные и широко известные водные объекты. Из 12 рек протяженностью более 50 км заимствованные названия получили только шесть: *Анграпа*, *Инструч*, *Неман*, *Писса*, *Преголя* и *Шешупе*. Остальные реки, при переименовании которых были заимствованы исходные потамонимы, имеют длину не более 40 км. Присутствие в описываемой группе р. *Шмаковка* длиной ок. 12 км и р. *Скардуна* длиной ок. 11 км окончательно опровергает предположение о попытке сохранения номинаций крупнейших региональных водоемов.

6. Метонимическая соотнесенность (19 случаев, среди которых преобладают переименования рек). Такая соотнесенность, как правило, бывает прямой

(17 случаев, например: *Waldauer Beek* → река *Низовка*, где исходный гидроним является производным от ойконима *Waldau*, который на советских картах, в свою очередь, был заменен на ойконим *Низовье*), но при переименовании *Tilsiter Stadtheide* → лес *Тильженский* является косвенной, поскольку исходное название леса соотносится с названием города *Тильзита*, образованного от того же гидронима, что и новый дримоним.

При переименовании различных типов природных объектов не все способы согласования используются в равной степени. В частности, при переименовании болот имеет место только перевод, а при реноминации урочищ инициаторы переименования полностью отказываются от ассоциативных названий и одинаковой тематической соотнесенности как способов согласования исходных и новых топонимов.

Интересным представляется то обстоятельство, что похожие тенденции действовали при еще одной советской кампании по переименованию географических объектов, затронувшей бывшие поселения поволжских немцев. Многие немецкие ойконимы подверглись здесь семантической адаптации, в частности полному или частичному переводу, а также переосмыслению, о которых не подозревает широкая общественность, и таким путем были интегрированы в русскую топонимическую систему [Сычалаина, 2021, 2594].

В процессе исследования калининградских переименований мы предположили, что на выбор способа согласования изначально могло повлиять языковое происхождение исходного географического названия. В полном соответствии с ранее обозначенными нами этапами исторического развития региона по этому критерию на основе немецкоязычного источника [ЕВВФ], содержащего информацию по этимологии исходных топонимов, были определены следующие группы:

- немецкоязычные топонимы (649 единиц, или около 53,5 % материала исследования), преобладающие во всех классах географических названий, за исключением гидронимов;
- топонимы балтийского происхождения (415 единиц, или 34 %);
- топонимы с неясными основами (128 единиц), особенно широко представленные среди названий урочищ и рек;
- топонимы с основами индоевропейского происхождения (16 гидронимов);
- древненемецкие топонимы (6 названий урочищ).

Нам представляется логичным, что инициаторы переименований должны были использовать перевод исходных топонимов преимущественно в тех случаях, когда они состояли из немецкоязычных элементов, так как, учитывая отсутствие квалифицированных лингвистов при отборе новых наименований, самым простым решением для советского руководства могло быть только обращение к немецко-русским словарям, вполне доступным широкому кругу пользователей. По итогам анализа выяснилось, что в подавляющем большинстве случаев это предположение соответствует действительности, но было обнаружено и восемь

исключений балтийского происхождения, частично переведенных на русский язык (переводится только немецкоязычный компонент, а балтийский подвергается замене), ср. *Große Plinis* (< нем. 'большой' + балт. 'болото') → *урочище Большие Кусты*. В отдельных случаях переводу балтийского гидронима способствует его фонетическое сходство с каким-либо русским словом, ср. *Prudim* → *канал Прудный*. С другой стороны, даже немецкоязычные топонимы чаще всего не переводятся при переименовании, а остаются на картах области несогласованными (пример — реноминация *Schwanen* 'Лебединый' → *пруд Солдатский*).

Кроме того, мы предположили, что при замене ненемецких наименований (т. е. топонимов с неясными основами или балтийского происхождения) советское руководство должно было отдавать предпочтение такому способу согласования географических названий, как переосмысление, поскольку трактовка семантики таких топонимов без привлечения ученых была практически невозможной и инициаторам переименований оставалось опираться только на форму лексических единиц. Если условно считать ненемецкими названиями топонимы, образованные от названий восточно-прусских населенных пунктов, имеющих ненемецкое происхождение, то наше предположение подтвердилось лишь частично: на 80 зафиксированных переосмыслений приходится только 13 исключений, некоторые из них касаются имен урочищ (*Rose* < нем. 'роза' → *урочище Росное*), но основная масса — гидронимы (*Federgraben* 'Перьевая канава' → *канава Федоровка*).

Наконец, при исследовании региональных реноминаций нами был осуществлен сравнительный анализ основных лексико-семантических групп исходных и новых топонимов (вне зависимости от того, были ли они согласованы между собой в каждом конкретном акте переименования). По итогам анализа можно констатировать, что наборы признаков, которые были положены в основу как восточнопрусских, так и советских географических названий, следует считать практически идентичными. Это хорошо заметно даже при сопоставлении первых по частотности девяти позиций.

Для восточно-прусских топонимов данные позиции выглядят следующим образом:

1) отойконимные номинации (297 единиц): *Staatsforst Padrojen* 'государственный лес Падройен' (расположен у одноименного поселения), *Muldschener Wiesen* 'Мульдженские луга' (граничат с пос. Мульджен), *Sodehner Berge* 'Зодененские горы' (находятся у пос. Зоденен);

2) фитотопонимы (115 единиц): *Erlenwald* 'Ольховый лес', *Lindenhof* 'Липовый двор', *Alxnippe* 'Ольховая река' (< балт.);

3) зоотопонимы (75 единиц): *Hengstbruch* 'Болото жеребцов', *Hasenberg* 'Заячья гора', *Karpfen-Teich* 'Карповый пруд';

4) топонимы, отражающие структурные свойства природного объекта (74 единицы): *Lehmhügel* 'Глиняный холм', *Tilszele* 'Болотистый' (< балт.), *Eumenis* 'Река со струящейся водой' (< балт.);

5) топонимы, указывающие на внешний вид природного объекта (72 единицы): *Raging* 'Выдающийся вперед' (< балт.), *Vambel* 'Изогнутый' (< балт.), *Joduppe* 'Черная река' (< балт.);

6) — номинации по близлежащему сооружению (62 единицы): *Mühlenberg* 'Мельничная гора', *Höft-Graben* 'Канавы с плотинами', *Damm-Teich* 'Пруд с дамбой';
— отгидронимные номинации (62 единицы): *Gilge Bruch* 'Болото на реке Гильге', *Tilszele-Berg* 'Гора на реке Тильшеле', *Budup-Bach* 'Ручей у реки Будуп';

7) топонимы, фиксирующие функцию объекта (44 единицы): *Lagerberg* 'Лагерная гора', *Perspektivberg* 'Гора, с которой открывается перспектива', *Exercier Platz* 'Площадь для занятий строевой подготовкой';

8) топонимы, отражающие рельеф местности (43 единицы): *Doben* 'Пещера, полость' (< балт.), *Pregel* 'В глубоком месте' (< балт.), *Parwe* 'Овраг' (< балт.);

9) номинации, обозначающие местоположение природного объекта (29 единиц): *West-Kanal* 'Западный канал', *Oberteich* 'Верхний пруд', *Uszub* 'По ту сторону реки' (< балт.).

Среди новых топонимов девятью наиболее распространенными лексико-семантическими группами являются:

1) топонимы, указывающие на внешний вид природного объекта (168 единиц): *лес Длинный, урочище Круглое, гора Красная*;

2) отойконимные номинации (167 единиц): *лес Полесский* (от ойконима *Полесск*), *залив Калининградский, река Большаковка* (от ойконима *Большаково*);

3) фитотопонимы (120 единиц): *озеро Камыши, гора Сосновая, река Калининка*;

4) топонимы, отражающие рельеф местности (93 единицы): *урочище Бугры, урочище Ровное, озеро Подгорное*;

5) отгидронимные номинации (91 единица): *лес Шешупский* (у р. Шешупе), *канал Лавский* (у р. Лава), *озеро Виковское* (у р. Вика);

6) зоотопонимы (74 единицы): *лес Олений, гора Барсуки, озеро Воронье*;

7) — топонимы, фиксирующие функцию природного объекта (72 единицы): *урочище Дачное, гора Обзорная, канал Обходный*;

— топонимы, отражающие структурные свойства природного объекта (72 единицы): *река Гнилая, озеро Проточное, лес Сухой*;

8) номинации, обозначающие местоположение природного объекта (60 единиц): *лес Северный, урочище Ближнее, болото Западное*;

9) номинации, дающие оценку природного объекта (41 единица): *холм Дурной, болото Великое, озеро Дивное*.

При анализе приведенных лексико-семантических групп обращает на себя внимание примерно равная значимость фитотопонимов и отойконимных номинаций в сравниваемых топонимических пространствах, причем на восточно-прусских картах преобладают названия, образованные от местных ойконимов (это касается, например, 31 из 32 отойконимных потапонимов), а на современных

картах на первое место выходят топонимы-«мигранты» (в частности, в сфере потамонимики на 30 отойконимных номинаций приходится 23 топонима-«мигранта»). Этот термин используется нами для характеристики номинаций, отсылающих к населенным пунктам за пределами Калининградской области, из которых переселились в новый регион колхозники, имеющие возможность на уровне предложений и пожеланий влиять на выбор новых топонимов. Информацию о подобной возможности мы получаем из архивного документа [Материалы], где относительно высокой частотностью обладают такие мотивировки реноминаций, как «переименован по старому местожительству колхозников» (для пос. Липово) или «по названию места, откуда переехали переселенцы» (для пос. Тамбовское). Можно предположить, что аналогичные тенденции действуют в сфере названий природных объектов, в частности при выборе потамонимов *река Литовка*, *река Мордовка* или *река Московка*.

Некоторые сходства в исходных наименованиях и переименованиях на анализируемой территории обнаруживаются при сопоставлении в рамках отдельных типов природных объектов, где, к примеру, полностью совпадают наиболее частотные мотивирующие признаки исходных и новых топонимов (для названий лесов это отойконимные и отгидронимные номинации, для названий урочищ — отойконимные номинации и фитотопонимы). Вместе с тем отмечаются и некоторые несовпадения. Так, если в немецкой лингвокультуре урочища традиционно понимаются как результат хозяйственной деятельности населения (и, соответственно, у исходных названий урочищ возрастает частотность мотивирующего признака «функция», ср. *Buschlauken* «Кормовое поле» < балт.), то в русскоязычном сообществе урочище обычно рассматривается с позиций физической географии, т. е. как малый ландшафт с относительно однообразными характеристиками, а значит, неслучаен упор на признак рельефа при отборе их новых названий (ср. *урочище Холмистое*).

В процессе поиска общего и различного между исходными и новыми топонимами были рассмотрены и менее распространенные мотивирующие признаки, положенные в основу наименований. Это позволило, в частности, опровергнуть представление о стремлении советского руководства к полному уничтожению теотопонимов. Конечно, их доля среди названий природных объектов заметно сокращается (с 23 до 10 случаев, семь из которых — оронимы), однако все новые теотопонимы согласованы с исходными или путем перевода (*Kreuzberg* → *гора Крестовая*), или через ассоциативные названия (*Kapuziner-Berg* → *гора Монах*).

Количество названий природных объектов, увековечивающих значимые события и выдающихся деятелей науки и культуры региона, вопреки общественному мнению, практически не возросло в контексте советизации Калининградской области. На смену 12 исходным мемориальным топонимам, как правило, образованным от имен прусских правителей (лес *Wilhelmsbruch*, ур. *Bismarck*), пришли

13 новых мемориальных топонимов, производных от личных имен участников Великой Отечественной войны (*лес Гастелловский, залив Ушаковский*) и советских политиков (*река Ульяновка, река Ильичевка*). Правда, стоит отметить, что деятельность тех знаменитых людей, в честь которых назывались природные объекты Восточной Пруссии, чаще всего была связана с этой немецкой провинцией (девять топонимов, например дримоним *Postell-Wald*, названный в честь немецкого фабриканта Постелла, который провел часть жизни в Восточной Пруссии), что совершенно не характерно для советских антропотопонимов. Один только *лес Головенский* назван по фамилии героя Советского Союза, участвовавшего в штурме прусской столицы — города Кенигсберга.

В целом необходимо подчеркнуть, что для кампании по массовым переименованиям природных объектов, состоявшейся в конце 1947 г., характерна непоследовательность. Она проявляется в хаотичности документов по реноминации; в количественном преобладании независимых переименований над согласованными, случаи выбора которых не поддаются логическому объяснению; в отсутствии однозначной обусловленности способов согласования новых топонимов с исходными.

Источники

- ККО — Карта Калининградской области. URL: <http://www.raster-maps.com> (дата обращения: 24.06.2022).
- КП — Карты Пруссии до переименования 1938 года. URL: <http://www.landkartenarchiv.de> (дата обращения: 24.06.2022).
- Материалы о переименовании населенных пунктов Калининградской области // Государственный архив Калининградской области. Ф. Р-297. Оп. 7. Д. 1.
- Решение Облисполкома № 560 от 31.12.1947 г. // Государственный архив Калининградской области. Ф. Р-297. Оп. 1. Д. 23.
- EBBF — Endungen und Besonderheiten baltischer Familiennamen. URL: https://genwiki.genealogy.net/Endungen_und_Besonderheiten_baltischer_Familiennamen (date of access: 24.06.2022).

Исследования

- Беляев А. Н. О вариативности топонимов в немецком языке // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. «Лингвистика». 2013. № 2. С. 53–58.
- Ворошилин С. И. Топонимические войны — насильственная смена топонимов вследствие войн и революций (часть 2) // Вопросы всеобщей истории. 2012. № 14. С. 145–164.
- Демьянов К. В. Процессы переименований городов и улиц в СССР: к вопросу о периодизации и локальной специфике // Молодежь третьего тысячелетия / отв. ред. Т. Ф. Ящук. Омск : Изд-во ОГУ им. Ф. М. Достоевского, 2019. С. 219–223.
- Ильин Д. Ю. Трансформация ойконимических наименований в топонимике региона // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 10. С. 63–68.
- Кириллова Л. Е., Семерова М. А. Трансформация удмуртских географических названий // Научный диалог. 2018. № 8. С. 9–33.

- Костяшов Ю. В.* Кампания по переименованию в Вармии и Мазурах после Второй мировой войны // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер. «Гуманитарные и общественные науки». 2016. № 3. С. 13–25.
- Крюков П. А.* Роль экстралингвистического фактора в формировании немецкого топонимикона (на примере идеологической компоненты в Северной и Восточной Германии в период с 1933 по 1990-е гг.) // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. «Лингвистика». 2011. № 6. С. 133–138.
- Кузьменко О. Н.* О функциях переименования топонимов (на примере урбанонимов Парижа) // Studia Linguistica. 2014. No. 23. P. 63–70.
- Лангенфельд М.* Процесс переименований в Калининградской области // Калининградские архивы. 2011. Вып. 9. С. 158–171.
- Левченко А. В.* Трансформация системы сельского расселения бывшей Восточной Пруссии (Калининградская область) // Региональные исследования. 2006. № 4 (10). С. 77–86.
- Маслов В. Н.* Советская академическая наука и формирование исторической памяти при переименовании населенных пунктов Калининградской области // Историческая экспертиза. 2016. № 3. С. 100–107.
- Маслов В. Н.* Предложения районных властей о переименовании центров сельских советов Калининградской области (октябрь–ноябрь 1946 г.) // Калининградские архивы. 2019. Вып. 16. С. 84–123.
- Матвеев А. К.* Тенденции и практики в современной урбаномиании // Вопросы ономастики. 2009. № 7. С. 100–105.
- Мезенко А. М.* Проблемы переименования линейных внутригородских объектов сегодня // Ономастика в Смоленске и Витебске: проблемы и перспективы исследования. 2018. № 6. С. 131–135.
- Никитин С. А.* Лингвистические аспекты переименований географических объектов в России : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.21 / Ин-т языкознания РАН. М., 2003.
- Палмайтис Л.* Предложение по научной русификации исконных наименований перешедшей в состав России северной части бывшей Восточной Пруссии. Страсбург : Европейский институт рассеянных этнических меньшинств, 2003.
- Разумов Р. В.* Процесс переименования объектов в Российской Федерации в 1990–2000-е гг. как особая социокультурная практика // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 4 (23). С. 196–204.
- Сычалина Е. В.* Семантическая адаптация немецкого топонимического субстрата в современной ойконимии Поволжья // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14, № 8. С. 2591–2595.
- Федоров Г. М.* Знаете ли Вы Калининградскую область? Калининград : Изд-во РГУ им. И. Канта, 2009.
- Шемчук Ю. М.* Типология отношений обновленных номинаций с заменяемыми лексемами при переименовании // Вестник Гуманитарного института Тольяттинского государственного университета. 2010. № 1. С. 80–83.
- Шишкина Д. Ю.* Из истории переименования населенных пунктов в Области войска Донского // Известия Российской академии наук. Сер. географическая. 2010. № 3. С. 139–144.
- Шульгина О. В.* Историко-географический подход в изучении топонимики российских регионов // Вестник Московского городского педагогического университета. Сер. «Естественные науки». 2016. № 2 (22). С. 84–93.
- Benson S.* Ortsnamenwechsel: Interessenkonflikt und Kulturkonflikt // Ortsnamenwechsel / Hrsg. R. Schützeichel. Heidelberg : Carl Winter Universitätsverlag, 1986. S. 96–106.

- Horbatsch O.* Russische Namenforschung // Handbuch des Russisten: Sprachwissenschaft und angrenzende Disziplinen / Hrsg. H. Jachnow, K. Hartenstein. Wiesbaden : Harrassowitz, 1984. S. 176–205.
- Langenfeld M.* Umbenennungsprozesse im Kaliningrader Gebiet. Kiel : Christian-Albrechts-Universität zu Kiel, 2010.
- Room A.* Placenames of the world: origins and meanings of the names for 6 600 countries, cities, territories, natural features and historic sites. Jefferson : McFarland, 2006.

Рукопись поступила в редакцию 17.10.2021

Рукопись принята к печати 11.11.2022

* * *

Петешова Ольга Викторовна

кандидат филологических наук, доцент
Институт образования и гуманитарных наук
Балтийский федеральный университет
им. И. Канта
236000, Калининград, ул. Чернышевского, 56
E-mail: opeteshova@kantiana.ru

Peteshova, Olga Viktorovna

PhD, Associate Professor
Institute of Education and Humanities
Immanuel Kant Baltic Federal University
56, Chernyshevsky Str., 236006 Kaliningrad,
Russia
Email: opeteshova@kantiana.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2902-5135>

Olga V. Peteshova

Immanuel Kant Baltic Federal University
Kaliningrad, Russia

RENAMING OF NATURAL FEATURES IN THE KALININGRAD REGION

The paper describes a large-scale renaming of water bodies, forests, natural boundaries, and landforms on the territory of the former North-East Prussia after becoming a part of the USSR. The source of the linguistic material, totalling 1,214 East Prussian — Soviet toponym pairs, was a list of renames made by the decision of Kaliningrad Oblast Executive Committee, refined on the basis of cartographic data. Comparative semantic analysis of original and new toponyms proves that the form or the meaning of the original toponyms were considered in 34% of renaming cases. There was an attempt to align the old names and the new ones by means of translation (full, partial, or pseudo-translation), reinterpretation, common thematic reference, associative naming, borrowing and metonymic relevance. It is substantiated that the choice of some method is conditionally predetermined by the linguistic origin of the original toponym. Specifically, the names of German origin were usually translated, and those of Baltic origin (as well as names with unclear bases) were subject to reinterpretation. In addition, the paper provides a comparative description of the main lexical-semantic groups of original and new toponyms, the set of which is almost identical. It is noted that the names of settlements predominate on both Prussian and Soviet maps but in the first case, the preference is given to indigenous names, while in the second

case, most oikonyms are borrowed from other regions of the country. Finally, the study showed that there is no drastic decrease in the share of theotoponyms (names referring to mythological / sacred places of the past) under the renaming process, and the number of memorial toponyms does not increase as significantly as it is usually presented in European humanities research.

К е у о r d s: renaming; toponyms; hydronyms; drimonyms; oronyms; Kaliningrad region

- Belyaev, A. N. (2013). O variativnosti toponimov v nemetskom iazyke [On the Variability of Toponyms in German]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Ser. "Lingvistika"*, 2, 53–58.
- Benson, S. (1986). Ortsnamenwechsel: Interessenkonflikt und Kulturkonflikt. In R. Schützeichel (Ed.), *Ortsnamenwechsel* (pp. 96–106). Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag.
- Demyanov, K. V. (2019). Protssy pereimenovaniy gorodov i ulits v SSSR: k voprosu o periodizatsii i lokal'noi spetsifike [Processes of Renaming Cities and Streets in the USSR: On the Issue of Periodization and Local Specifics]. In T. F. Yashchuk (Ed.), *Molodezh' tret'ego tysyacheletia* [Youth of the Third Millennium] (pp. 219–223). Omsk: Izd-vo OGU im. F. M. Dostoevskogo.
- Fedorov, G. M. (2009). *Znaete li Vy Kaliningradskuiu oblast'?* [Do you Know the Kaliningrad Region?] Kaliningrad: Izd-vo RGU im. I. Kanta.
- Horbatsch, O. (1984). Russische Namenforschung. In H. Jachnow, & K. Hartenstein (Eds.), *Handbuch des Russisten: Sprachwissenschaft und angrenzende Disziplinen* (pp. 176–205). Wiesbaden: Harrassowitz.
- Ilyin, D. Yu. (2011). Transformatsiia oikonimicheskikh naimenovaniy v toponimike regiona [Transformation of Oikonymic Names in the Toponymy of the Region]. *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 10, 63–68.
- Kirillova, L. E., & Semerova, M. A. (2018). Transformatsiia udmurtskikh geograficheskikh nazvaniy [Transformation of Udmurt Geographical Names]. *Nauchnyi dialog*, 8, 9–33.
- Kostyashov, Yu. V. (2016). Kampaniia po pereimenovaniyu v Varmii i Mazurakh posle Vtoroi mirovoi voyny [Renaming Campaign in Warmia and Mazury after World War II]. *Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Ser. "Gumanitarnye i obshchestvennye nauki"*, 3, 13–25.
- Kryukov, P. A. (2011). Rol' ekstralingvisticheskogo faktora v formirovaniy nemetskogo toponimikona (na primere ideologicheskoi komponenty v Severnoi i Vostochnoi Germanii v period s 1933 po 1990-e gg.) [The Role of the Extralinguistic Factors in the Formation of the German Toponymicon (Ideological Component in North and East Germany in the Period from 1933 to the 1990s)]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Ser. "Lingvistika"*, 6, 133–138.
- Kuzmenko, O. N. (2014). O funktsiiakh pereimenovaniia toponimov (na primere urbanonimov Parizha) [On the Functions of Renaming Toponyms (Based on Paris Urbanonymy)]. *Studia Linguistica*, 23, 63–70.
- Langenfeld, M. (2010). *Umbenennungsprozesse im Kaliningrader Gebiet*. Kiel: Christian-Albrechts-Universität zu Kiel.
- Langenfeld, M. (2011). Protss pereimenovaniy v Kaliningradskoi oblasti [The Process of Renaming in the Kaliningrad Region]. *Kaliningradskie arkhivy*, 9, 158–171.
- Levchenkov, A. V. (2006). Transformatsiia sistemy sel'skogo rasseleniia byvshei Vostochnoi Prussii (Kaliningradskaya oblast') [Transformation of the Rural Settlement System of the Former East Prussia (Kaliningrad region)]. *Regional'nye issledovaniia*, 4 (10), 77–86.
- Maslov, V. N. (2016). Sovetskaya akademicheskaya nauka i formirovaniye istoricheskoi pamiati pri pereimenovaniy naseleennykh punktov Kaliningradskoi oblasti [Soviet Academic Science and

- the Formation of Historical Memory During the Renaming of Settlements in the Kaliningrad Region]. *Istoricheskaia ekspertiza*, 3, 100–107.
- Maslov, V. N. (2019). Predlozheniia raionnykh vlastei o pereimenovanii tsentrov sel'skikh sovetov Kaliningradskoi oblasti (oktiabr'-noiabr' 1946 g.) [Proposals of the District Authorities to Rename the Centers of the Village Councils of the Kaliningrad Region (October—November 1946)]. *Kaliningradskie arkhivy*, 16, 84–123.
- Matveyev, A. K. (2009). Tendentsii i praktiki v sovremennoi urbanominatsii [Trends and Practices in Modern Urban Naming]. *Voprosy onomastiki*, 7, 100–105.
- Mezenko, A. M. (2018). Problemy pereimenovaniia lineinykh vnutrigorodskikh ob'ektov segodnia [Problems of Renaming Linear Intracity Objects Today]. *Onomastika v Smolenske i Vitebske: problemy i perspektivy issledovaniia*, 6, 131–135.
- Nikitin, S. A. (2003). *Lingvisticheskie aspekty pereimenovaniia geograficheskikh ob'ektov v Rossii* [Linguistic Aspects of Renaming Geographical Objects in Russia] (Doctoral dissertation abstract). Institute of Linguistics of the RAS, Moscow.
- Palmais, L. (2003). *Predlozhenie po nauchnoi rusifikatsii iskonnykh naimenovaniia pereshedshei v sostav Rossii severnoi chasti byvshei Vostochnoi Prussii* [Proposal for the Academic Russification of the Original Names of the Northern Part of the Former East Prussia that Became Part of Russia]. Strasbourg: Evropeiskii institut rasseiannykh etnicheskikh men'shinstv.
- Razumov, R. V. (2020). Protssess pereimenovaniia ob'ektov v Rossiiskoi Federatsii v 1990–2000-e gg. kak osobaia sotsiokul'turnaia praktika [The Process of Renaming Objects in the Russian Federation in the 1990s–2000s as a Special Sociocultural Practice]. *Verkhnevolzhskii filologicheskii vestnik*, 4 (23), 196–204.
- Room, A. (2006). *Placenames of the World: Origins and Meanings of the Names for 6.600 Countries, Cities, Territories, Natural Features and Historic Sites*. Jefferson: McFarland.
- Shemchuk, Yu. M. (2010). Tipologiiia otnoshenii obnvlennykh nominatsii s zameniaemymi leksemami pri pereimenovanii [Typological Relations of Updated Names with Replaced Lexemes in the Course of Renaming]. *Vestnik Gumanitarnogo instituta Tol'iattinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 1, 80–83.
- Shishkina, D. Yu. (2010). Iz istorii pereimenovaniia naseleennykh punktov v Oblasti voiska Donskogo [From the History of Renaming Settlements in the Don Army Region]. *Izvestiia Rossiiskoi akademii nauk. Ser. Geograficheskaia*, 3, 139–144.
- Shulgina, O. V. (2016). Istoriko-geograficheskii podkhod v izuchenii toponimiki rossiiskikh regionov [Historical and Geographical Approach in the Study of the Toponymy of Russian Regions]. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Ser. "Estestvennye nauki"*, 2 (22), 84–93.
- Sychalina, E. V. (2021). Semanticheskaia adaptatsiia nemetskogo toponimicheskogo substrata v sovremennoi oikonimii Povolzh'ia [Semantic Adaptation of the German Toponymic Substratum in the Modern Oikonymy of the Volga Region]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 14(8), 2591–2595.
- Voroshilin, S. I. (2012). Toponimicheskie voiny — nasil'stvennaia smena toponimov vsledstvie voin i revoliutsii (chast' 2) [Toponymic Wars — Mandatory Modification of Toponyms due to Wars and Revolutions (Part 2)]. *Voprosy vseobshchei istorii*, 14, 145–164.

Received on 17 October 2021
Accepted on 11 November 2022